

Вторая статья о турецкихъ элементахъ въ языке „Слова о полку Игоревѣ“.

(Отвѣтъ Ф. Е. Коршу).

Прежде всего считаемъ своимъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность Ф. Е. Коршу за его «Замѣтки» на наше изслѣдованіе о турецкихъ элементахъ въ языке Слова о полку Игоревѣ, появившіяся въ 4-ой книжкѣ VIII-го тома «Извѣстій Отд. русск. яз. и слов.» за 1903 г., стр. 1—58 (ниже при цитатахъ = К.). Часть ихъ мы постараемся принять къ свѣдѣнію и использовать въ нашихъ дальнѣйшихъ работахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы продолжаемъ по некоторымъ вопросамъ оставаться при прежнемъ убѣженіи, хотя иногда и съ нѣсколько иною мотивировкою. Попутно въ своихъ «замѣткахъ» г. Коршъ поставилъ и затронулъ множество вопросовъ, касающихся исто-
ріи турецкаго языка, классификаціи его нарѣчій, турецкой метрики и другихъ, причемъ кое-гдѣ онъ далеко уклонился отъ нашей общей первоначальной темы. Мы принуждены поэтому заявить заранѣе, что отъ обсужденія *еслихъ* подобныхъ вопросовъ мы отказываемся отчасти потому, что это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ программы предлежащаго ученаго органа, отчасти потому, что пришлось бы писать цѣлый изслѣдованія на темы, которыми мы въ настоящее время по разнымъ причинамъ не расположены специально заниматься. Равнымъ образомъ мы должны будемъ оставить безъ обсужденія многіе

экскурсы г. Корша въ области различныхъ языковъ, изъ коихъ о нѣкоторыхъ (напримѣръ финскомъ, мадьярскомъ, румынскомъ, албанскомъ и др.) мы къ сожалѣнію не имѣемъ никакого понятія. Думается намъ, однако, что г. Коршъ черезчуръ широко пользуется аналогіями, почерпнутыми изъ различныхъ нерѣдко совершенно чуждыхъ другъ другу языковъ; доказательная сила такихъ аналогій, по нашему убѣжденію, весьма относительна, такъ какъ въ частностяхъ и подробностяхъ различные языки нерѣдко совершенно расходятся, и что возможно или вѣроятно въ одномъ языкѣ или въ одной группѣ родственныхъ языковъ, то часто (конечно далеко не всегда!) невозможно или невѣроятно въ другомъ языкѣ или въ другой семье языковъ. Далѣе замѣтимъ, что теорія звуковыхъ переходовъ и «искаженій», наблюдалемыхъ при переходѣ словъ изъ одного языка въ другой, какъ известно, вообще еще недостаточно разработана. Мы встрѣчаемся въ этой области нерѣдко съ явленіями странными, даже курьезными, иногда прямо необъяснимыми при современномъ состояніи лингвистики. Чѣмъ бѣднѣе материалъ, надъ которымъ приходится работать, тѣмъ чаще мы наталкиваемся на такія странныя, необъяснимыя, иногда единичныя фонетическія явленія, наличность которыхъ однако удостовѣряется или дѣлается въ высшей степени вѣроятною на основаніи культурно-историческихъ соображеній. Такъ напримѣръ г. Коршъ признаетъ къ нашему удовольствію (К. 40) предложенное нами объясненіе слова «шереширъ». Между тѣмъ мы пока не знаемъ, отчего «ч» перешло въ этомъ словѣ въ «ш» и еще менѣе знаемъ, почему произошла перемѣна гласныхъ въ его прототипѣ *тірічär, *чірічär или *тірѣчär, *чірѣчär. Вопреки г. К. (40) переходъ ч || ш не былъ свойствененъ половецкому языку, черезъ посредство котораго это персидское словосочетаніе попало въ древнерусскій языкъ, какъ легко можно убѣдиться изъ материаловъ, доставляемыхъ Codice Cumanico, затѣмъ арабскими учеными, писавшими о «кипчацкомъ» діалектѣ, и половецкими собственными имѣнами и другими перешедшими отъ половцевъ въ рус-

скій языку словами, о чёмъ мы недавно писали въ рецензіи на «Опытъ изслѣдованія уръянхайскаго языка» Н. Ф. Катанова (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XV, стр. 0159). Такимъ образомъ, если большая вѣроятность заимствованія, вообще говоря, доказана, то съ чисто-фонетическими трудностями придется иногда мириться, хотя конечно въ идеалѣ всегда желательно и для нихъ найти удовлетворительное объясненіе. Иное дѣло если вся теорія заимствованія строится, при несовпадающемъ значеніи словъ и при отсутствіи прямыхъ указаний на заимствованіе, только на созвучіи словъ къ тому-же неполномъ, можетъ быть случайномъ, — въ такомъ случаѣ необходимо доказать по крайней мѣрѣ вѣроятность предполагаемыхъ фонетическихъ и семасиологическихъ переходовъ, приводя аналогіи не изъ другихъ какихъ либо языковъ, а именно изъ тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и притомъ по возможности изъ того-же самаго периода ихъ жизни, въ какой произошло предположенное заимствованіе. Ф. Е. Коршъ, желая доказать вѣроятность какого-нибудь фонетического явленія, иногда привлекаетъ къ дѣлу наблюденія, не имѣющія прямого отношенія къ данному вопросу; вѣдь далеко не все равно, напримѣръ, стоять ли звукъ въ началѣ, въ концѣ или въ корпусѣ слова (*Anlaut*, *Auslaut*, *Inlaut*), и имѣемъ-ли мы дѣло со спонтаническимъ или комбинаторнымъ переходомъ того или другого звука, а между тѣмъ кое-гдѣ у г. Корша эти разнородныя явленія приводятся и рассматриваются вмѣстѣ, что, какъ намъ кажется, ослабляетъ его аргументацію (напр. на стр. 7, стр. 18 — 22 и др.). Послѣ этихъ предварительныхъ общихъ замѣчаній переходимъ къ разбору отдельныхъ словъ.

I.

Бльванъ. Сопоставленіе русскаго «болвана» съ персидско-

турецкимъ nählävän'омъ, особенно въ его киргизской формѣ «палуан», съ первого взгляда кажется настолько естественнымъ, что вѣроятно нѣтъ человѣка, который бы, узнавъ о существованіи этихъ двухъ словъ, не попытался установить связь между ними. Если бы у насъ не было вѣскихъ оснований утверждать, что тѣмъ не менѣе связь эта крайне проблематична, то конечно ничего не было бы для насъ легче, какъ принять существующее объясненіе этого слова, которое и намъ съ первого взгляда показалось въ свое время довольно заманчивымъ. Г. Коршъ продолжаетъ настаивать на возможности перехода значенія турецкаго nählävän'a, палуан'а (борецъ, герой) къ русскому бранному слову, причемъ посредствующими звеньями являются или значеніе «фокусникъ, акробатъ» (= nählävän въ нѣкоторыхъ южнотурецкихъ діалектахъ), или значеніе «изображеніе борца, героя», откуда уже «статуя, идолъ» и пр. Несмотря на нѣкоторые новые факты и соображенія, приводимые г. Коршемъ, эти переходы значеній продолжаютъ намъ казаться невѣроятными. Брань брань—разнъ. Что такое «болванъ» по русски? Это—человѣкъ глупый, безчувственный, безтолковый—словомъ «идолоподобный». «Болванъ» въ устахъ русского человѣка почти синонимъ «статуя безчувственного, идола несокрушимаго»¹⁾, несокрушимаго именно потому, что онъ не хочетъ знать и слушать никакихъ «резоновъ». Намъ представляется несомнѣннымъ, что первоначальное значеніе слова «болванъ» въ русскомъ языке было именно «идоль, статую, обрубокъ и т. п.» и отсюда уже «безчувственный, бездушный, грубый, безтолковый человѣкъ». Взглядъ на «идола, статую» у простого русского человѣка до сихъ поръ нелестный не потому, какъ думаетъ г. Коршъ (5), что «статуй несоразмѣренъ, неловокъ, медлененъ и непроизволенъ въ движеніяхъ»²⁾, а именно потому, что *полная неподвижность, безглас-*

1) Такую именно комбинацію бранныхъ словъ намъ лично приходилось наблюдать.

2) «Статуй» вѣдь вообще вовсе не двигается!

ность, безжизненность и безчувственность статуи выступаютъ для простого русскаго человѣка на первый планъ, а красота формы, столь дорогая языческому греку и современному «европейцу», его мало трогаетъ. Такой взглядъ на статуи и идоловъ несомнѣнно объясняется духомъ византійскаго христіанства, да и вообще христіанства, пока ему приходилось вести борьбу съ «идолопоклонствомъ»; корень-же такого воззрѣнія лежитъ еще во взглядахъ на статуи древнееврейскихъ поклонниковъ «Бога Живаго»¹⁾. Намъ представляется очень возможнымъ, что русское слово «болванъ», означавшее первоначально «идола, статую», стало съ течениемъ времени браннымъ словомъ не безъ вліянія христіанскихъ взглядовъ на статуи. Между тѣмъ персидско-турецкій «пѣhlѣvân, палуан»²⁾ никоимъ образомъ не есть безчувственный, безтолковый, идолоподобный человѣкъ. «Палуан» въ народной турецкой литературѣ одаренъ не только физическою силою, ловкостью и дородствомъ, но и умомъ, храбростью, предпріимчивостью, чувствомъ справедливости, великодушiemъ и пр. и пр. Это вовсе не профессиональный «борецъ-атлетъ» «культурныхъ» европейцевъ, у котораго дѣйствительно иногда физическое развитіе идетъ въ ущербъ духовному, а потому мнѣ,

1) См. напр. извѣстный разсказъ Ипатской лѣтописи подъ 983 г. о человѣческой жертвѣ Владимира послѣ похода на Ятвяговъ (стр. 54—55), анекдотъ о столкновеніи изъ за статуи Митрофана Воронежскаго съ Петромъ Великимъ и т. п.

2) Форма «балуан» (К. 16—17) для киргизскаго языка не вполнѣ удостовѣрена; словарики вродѣ цитируемаго г. К. Букина не авторитетъ, когда дѣло идетъ о фонетическихъ тонкостяхъ. Словарь Ильминскаго-Катаринскаго даетъ только «палуан», одинъ родъ Малой Орды называется «пальван» (Жив. Старина 1896, вып. III—IV, стр. 384); въ самаркандскомъ вилайетѣ извѣстны географическія названія «пальван арык» и «пахлаван хуши» (см. статью г. Вяткина въ Справочнай книжкѣ самаркандской области за 1902 г. вып. VII). Въ связной рѣчи послѣ словъ, оканчивающихся на гласные звуки или на звонкіе согласные, слышится, правда, иногда «балуан» (см. у насъ въ Зап. Вост. Отд. VII, стр. 49, № 88). Во всякомъ случаѣ форма «палуан» и теперь еще, не говоря о болѣе древнихъ временахъ, преобладаетъ, хотя во многихъ другихъ иностраннѣхъ словахъ «п» и «б» въ началѣ слышатся у киргизовъ въ перемежку, напр. «пайды» и «байды» (= *پايدا*), «патса» и «батса» (= *باشقا*) и др.

какъ туркологу, очень трудно допустить мысль, чтобы «палуан» на Востокѣ могло быть или стать бранью, или у насъ на Руси сдѣлаться обозначеніемъ бездушнаго идола. Конечно все это *разсужденія*, которыя могутъ оказаться невѣрными, если г. Коршу удастся противопоставить имъ *факты*, а именно доказать документально, что слова *پالوان* pählävän или «палуан» служили или служатъ на мусульманскомъ Востокѣ бранью, или что на Востокѣ-же ими обозначали иногда изображенія или статуи героевъ. Такихъ фактовъ мы въ статьѣ г. Корша не нашли¹⁾. Если бы даже удалось доказать древность значенія «фокусникъ, акробатъ» для слова *پالوان* pählävän, всетаки, по нашему мнѣнію, бранное слово, которое могло бы выработать изъ этого значенія, означало бы не безчувственнаго, безтолковаго, инертнаго «болвана», а «ловкача» въ дурномъ смыслѣ этого слова, т. е. употреблялось бы приблизительно такъ-же, какъ теперь иронически говорять «артистъ, химикъ» и т. п. Ссылка г. Корша на исторію слова «кощей» тоже несостоятельна, такъ какъ уже первоначальное значеніе этого слова «обознѣй, слуга, рабъ» заключало въ себѣ нечто пренебрежительное, чего не было въ значеніи слова *پالوان* pählävän²⁾.

1) Предположеніе его (3), что русскіе *по примѣру татаръ* (курсивъ нашъ) называли изображеніе хана, возимое съ собою баскаками «болваномъ», ни на чёмъ не основано. Что именно разумѣеть наша лѣтопись подъ «басмою», въ точности неизвѣстно. Признаться, намъ очень трудно вѣрится въ то, чтобы «басма» было изображеніе (особенно скользкое) хана, хотя такое объясненіе этого слова и стало ходячимъ, но во всякомъ случаѣ ясно, что татары называли этотъ загадочный предметъ «басма», а не «болванъ».

2) Г. Коршъ немало распространяется въ своей статьѣ (стр. 26) вообще о происхожденіи разныхъ бранныхъ словъ и переходахъ значеній, наблюдавшихъ при ихъ возникновеніи; все это однако мало помогаетъ выясненію вопроса о томъ, какъ изъ «героя» могъ получиться «идоль» и «идолоподобное существо». Въ большинствѣ приведенныхъ г. Коршемъ словъ путь, по которому шло измѣненіе значенія, довольно ясенъ, напримѣръ переходу значенія въ словѣ «художникъ» несомнѣнно помогло народно-этимологическое сближеніе его со словами «худой, худъ». Профосса (прохвоста), надзирателя и палача, конечно не любили арестанты, и брань эта идетъ вѣроятно изъ ихъ круговъ; весьма естественнымъ является переходъ въ итальянскомъ «ciarlatano» отъ

Съ другой стороны мы не видимъ ровно ничего особенного въ томъ, что «брать» главнаго nählävän'a (фокусника) въ Закавказье называется «домбай», что г. Коршъ сближаетъ (не знаемъ, насколько правильно) съ абхазскимъ «домбей, зубръ». Если это сближеніе правильно, то оно даетъ лишній примѣръ сравненія nählävän'a, героя, борца, ловкача, съ животнымъ, извѣстнымъ своей силой, энергіей, храбростью и пр. Припомнимъ буй-тура Всеолода изъ Слова о полку Игоревѣ¹⁾, сельджуцкаго Алп-арслана (героя-льва)²⁾ и укажемъ еще на стр. 114 VII-ой части «Образцовъ народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ» В. В. Радлова, гдѣ въ стихахъ говорится, что герой Идиге былъ въ тридцать лѣтъ львомъ (арслан), въ сорокъ — тигромъ (каплан), а въ пятьдесятъ — лисицею (түлкү)³⁾. Не приведя положительныхъ фактовъ, которые бы доказывали, что на мусульманскомъ Востокѣ слова **نَلْعَانٌ** nählävän или «палуан» употреблялись въ значеніи «изображеніе героя», г. Коршъ пытается доказать возможность такого перехода значенія аналогичными явленіями въ области другихъ языковъ. Выше мы уже высказали свой взглядъ на значеніе подобныхъ аналогій вообще, здѣсь-же прибавимъ, что, насколько мы можемъ судить, все онѣ далеко не полны, а потому малодоказательны. Такъ напримѣръ въ греческихъ ἀνήρ, μυεις, и ἀνδρίας, *статуя* общимъ является

«болтуна» къ «вралю, обманщику». Исторія слова јунăк въ сербскомъ и польскомъ языкахъ тоже довольно понятна; не слѣдуетъ только забывать, что основное значеніе этого слова «молодой человѣкъ», — ну а молодости свойственно и геройствовать, и хвастаться, почему дальнѣйшее развитіе значенія этого слова и могло пойти у двухъ различныхъ, хотя бы и родственныхъ народовъ двумя различными путями.

1) «Туръ» и «зубръ» зоологически очень близки. Въ Ипатской лѣтописи, стр. 480 Романъ Галицкій сравнивается съ цѣльмъ рядомъ звѣрей и наконецъ говорится «храборъ бо бѣ яко и туръ».

2) Изъ «арслана» вышелъ конечно и нашъ Русланъ (Ерусланъ).

3) Отдаленную но кебезъинтересную аналогію находимъ мы въ яѣмецкихъ школьно-студенческихъ глаголахъ «ochsen» и «büffeln» («долбить, зубрить») въ значеніи «усилиенно заниматься», первоначально «нести тяжелый физический трудъ», H. Paul, Deutsches Wörterbuch 1897.

только корень, между тѣмъ смысловая связь различныхъ словъ, произведенныхъ отъ одного и того-же корня, нерѣдко бываетъ даже очень и очень отдаленная во всѣхъ возможныхъ языкахъ. Итальянское «*rirazzo*» сначала значило «кукла», а потомъ уже «маленький ребенокъ», такъ сказать неполный еще человѣкъ, являющійся дѣйствительно иногда игрушкою для взрослыхъ. Голландское *mappenkijn* было именемъ уменьшительнымъ (мужчины, человѣчишка)¹⁾, откуда уже недалеко было до представлениія «человѣкъ не человѣкъ, а такъ что-то вродѣ человѣка». Выходитъ, что со статуею, куклою, манекеномъ и т. п. народы сравниваютъ вообще людей физически или духовно слабыхъ, неразвитыхъ, такъ сказать, неполныхъ людей, тогда какъ персидско-турецкій پالوانъ *pâhlâvân*, палуан является наоборотъ человѣкомъ выдающагося физического и духовнаго развитія. Чтобы попытаться освободить читателя отъ своего рода гипнотизирующего дѣйствія созвучія «палуанъ» съ «балваномъ», мы позволимъ себѣ въ заключеніе поставить такой вопросъ: статочное ли дѣло, чтобы слово «бафатур, барадур, богатырь» получило на Востокѣ или у насъ въ древней Руси бранное значеніе или значеніе «идола, статуи»? Если-же это покажется всякому, какъ мы увѣрены, очень мало вѣроятнымъ, то столь-же невѣроятнымъ надо счесть и подобный переходъ значенія въ словахъ «*pâhlâvân*, палуанъ», ибо это — синонимы словъ «бафатур, барадур, богатырь».

Что касается превращенія персидского слова «*pâhlâvân*» въ «балабанъ» на турецкой почвѣ, то и послѣ новыхъ разъясненій г. Корша мы продолжаемъ думать, что такое превращеніе на древне-турецкой почвѣ крайне невѣроятно, чтобы не сказать не-

1) Въ значеніи слова «*mappenkijn*» чувствуется некоторый презрительный оттенокъ, такъ какъ имъ обозначаютъ между прочими самцовъ у животныхъ, *renis* и т. д. см. Woordenboek der nederlandsche Taal bewerkt door D-r A. Kluyver en D-r A. Lodewyck. Въ презрительномъ смыслѣ употребилъ недавно слово «Männeken» и G. Jacob см. Revue Orientale pour les études ouralo-altaïques 1964, № 2, page 276.

возможно съ точки зрења исторіи турецкихъ звуковъ. Правда есть иѣкоторая вѣроятность, что въ общетурецкомъ языке и въ древнѣйшихъ діалектахъ не было начального «п», а слѣдовательно возможна была передѣлка начального «п» въ заимствованномъ словѣ въ «б». Однако есть ученые, которые вовсе не считаютъ невозможную наличность начального «п» наряду съ «б» въ общетурецкомъ языке (см. Zeitschr. der deutsch. morgenl. Ges. 1903 VII томъ, стр. 550 статьи H. Pedersen'a Türkische Lautgesetze), а потому и переходъ nählävän'a въ *bäh-lävän'a не болѣе какъ иѣкоторая возможность. Теоретически разсуждая можно конечно допустить и исчезновеніе слабо-артикулируемаго и слабо слышащагося звука «ф», но за то въ высшей степени трудно допустить переходъ срединнаго «в» («в» des Inlautes) въ «б» въ общетурецкомъ языке или въ одномъ изъ древнихъ діалектовъ. Въ пользу возможности такого перехода говорять изъ приведенныхъ г. Коршемъ материаловъ только казанско-татарское (намъ неизвѣстное) alba, халва изъ арабско-персидскаго حلو and чалбар, шаровары изъ персидскаго шалвâr. Не слѣдуетъ однако забывать, что примѣры эти взяты изъ одного изъ новыхъ, можно сказать, новѣйшихъ діалектовъ, тогда какъ уже русскія формы «халва» и «шаровары» и «шальвары» свидѣтельствуютъ о томъ, что въ болѣе древнихъ турецкихъ діалектахъ и въ этихъ словахъ перехода въ б не было¹⁾). Далѣе «в» удержалось въ очень древнемъ (судя по распространности) заимствованномъ словѣ كاروانъ kârawân, караванъ, въ мэрдувân, лѣстница и въ многочисленныхъ заимствованныхъ изъ персидскаго языка словахъ на суффиксъ -وانъ. Въ стихахъ Ашика паши, извѣстнаго южно-турецкаго поэта-мистика XIV в., встрѣчаются также весьма извѣстныя и въ другихъ діалектахъ, а потому вѣроятно давно уже заимство-

1) Исторія слова شلواشъ шалвâr принадлежить къ числу очень интересныхъ, но и весьма сложныхъ. Укажемъ пока C. M. Frachn, Ibn Foszlan's und ander. Araber Ber., S. 112—114.

ванныя арабскія слова **حيوان** хаіван, *животное*, **اللوان**, älvän, алўан, *цвета*, **разные вещи**, въ которыхъ «в» (или ў) также удержаналось. Съ другой стороны срединное древнетурецкое «б» у Ашика паши перешло уже кое-гдѣ въ «в», напр. изъ «jalbar, проситъ», — jalvar **يلوار مق** изъ **أيدبن** aïdabän я *сказу* — **أيدون** aïdavän, изъ **بن بن** bänbän, я *есмь* — **بن ون** bänwän и т. п.¹). Судя вообще по ходу развитія турецкихъ губныхъ, мы скорѣе можемъ допустить въ корпусѣ словъ (im Inlaute) переходъ «б» въ «в, w, ў», чѣмъ наоборотъ²). Далѣе «п» между двумя гласными скорѣе перейдетъ въ турецкомъ языкѣ въ «б», чѣмъ «б» въ томъ же положеніи въ «п». Киргизское «п» въ жапан, *пустыня*, *степь*, древнѣ «б» въ јабан, ибо еще въ стихотворномъ Шейбани намѣ (начала XVI в.) мы находимъ начертаніе **بابان**. Въ орхонскихъ надписяхъ существуетъ дѣепричастіе на -ыпан, -ипан (**О1-**, **Н1-**), которое въ позднѣйшихъ діалектахъ (джагатайскомъ и древнеосманскомъ, напр. у Ашикъ паши) писалось уже съ **ب**. Въ виду этого намѣ и кажется вѣроятнымъ, что киргизская форма «балапан» (наряду съ «жапан») есть болѣе древняя форма турецкаго слова «балабан», которое съ персидскимъ *pahlâvân'omъ* никакой связи, кроме случайного созвучія, не имѣть. Итакъ по нашему мнѣнію отъ древнетурецкаго *балапан, *большеголовый* произошло киргизское балапан, *птенецъ*, такъ какъ птенцы вообще отличаются несоразмѣрно большою головою. Въ тѣхъ діалектахъ, въ которыхъ произошелъ переходъ п || б (куманскій, османскій, крымско-татарскій и др.), «балабан» стало значить преимущественно просто «большой, крупный, огромный». Эпитетъ «большой, крупный» сталъ сначала прилагаться къ одному изъ крупныхъ видовъ охот-

1) Примѣры изъ Ашика-паши взяты нами изъ его дивана (хоть кстати еще слово, гдѣ «в» въ окончаніи -ван сохранилось!), хранящагося въ Вѣнѣ въ Придворной Библіотекѣ, см. каталогъ G. Flügel'a I 615 № 650.

2) Въ этомъ отношеніи поучительна и форма этого слова у сибирскихъ татаръ «bähüan» см. «Образцы нар. литер. тюркскихъ племенъ» В. В. Радлова, т. IV, стр. 101 и 103.

ничьяго сокола, который затѣмъ началъ называться просто «балабан»¹⁾. Это дѣйствительно чуть-ли не самый большой видъ охотничьяго сокола, употребляемый для охоты за зайцами. Намъ пришлось видѣть живой экземпляръ въ 1902 г. въ тифлисскомъ музѣ. Кажется, что самая порода этихъ соколовъ-балабановъ идетъ изъ Азіи и постепенно стала известна въ восточной Россіи; въ западной Европѣ она вообще не водится. У русскихъ любителей соколиной охоты балабаны встрѣчались повидимому гораздо рѣже другихъ охотничьихъ птицъ, см. напр. Н. Кутеповъ, Императорская охота на Руси, т. III, стр. 223 и 251 прим. 455. Какимъ образомъ г. К. (23) хочетъ воспользоваться зоологическимъ названіемъ «птенцовъ», чтобы вывести название сокола изъ значенія слова «балапан» или «бала» «птенецъ», для насъ неясно. Вѣдь «птенцовыми» эти птицы называются вовсе не потому, что въ какомъ-либо отношеніи *похожи* на птенцовъ, а потому, что пхъ птенцы не сразу по вылупленіи способны къ самостоятельному питанію, какъ напримѣръ «выводковые» цыплята, а нуждаются въ кормленіи и уходѣ со стороны родителей. Между тѣмъ «заботящійся о птенцахъ, смотрящій за птенцами» будетъ по турецки «балачы» или «балапанчы», а не «балапан», тѣмъ болѣе что и суффикса -пан въ турецкомъ языке вовсе неѣтъ²⁾.

Что касается обычнаго значенія слова «балабанъ» въ русскомъ языке, то, если бы удалось доказать, что первоначальное его значеніе какъ у насъ, такъ и у поляковъ было «верзила» или по крайней мѣрѣ «большой, грузный болтунъ и хвастунъ», можно было-бы свести русско-польского «балабана» къ турецкому въ

1) Г. Коршъ на стр. 16 прим. 20 былъ введенъ въ заблужденіе изданиемъ Codicis Стшапіції акад. В. В. Радлова. Въ самомъ Cod. Стш. p. 129 «balaban» переведено словомъ «falchon» (*sic!*).

2) Иногда сближаются еще слово «барабанъ» съ персидскимъ بالابان, высокозвучный. Однако иранисты, съ которыми я бесѣдовалъ по этому вопросу, крайне скептически отнеслись къ самому существованію слова بالابان въ персидскомъ языке. К. Г. Залеманъ обратилъ между прочимъ мое вниманіе на то, что слова بانک or باز сочтаются не съ بالا, а съ دلند.

значенію «большой». Даль указываетъ правда, что «балбанъ» употребляется «особенно если взрослый дурить», но вообще по-видимому первоначальнымъ значеніемъ этого слова является просто «болтунъ, пустомеля, хвастунъ» и т. п. Мы принуждены поэтому предположить, что на развитіе какъ формы, такъ и значенія этого (быть можетъ все-же заимствованного турецкаго) слова въ русскомъ языке вліяли подобозвучныя слова, приведенные въ моей первой статьѣ на стр. 279, а также быть можетъ слова «баловать, баловѣсь, баловень» и т. д. (К. 27).

Мы думаемъ такимъ образомъ, что основное значеніе турецкаго слова «балабан» (древнѣ: балапан) было «большеголовый, огромный», а потому опять таки находимъ, что переходъ значенія къ «идолу, статуѣ» и для этого слова представляется весьма мало вѣроятнымъ и во всякомъ случаѣ документально не удостовѣреннымъ ни для турецкаго, ни для русскаго, ни для польскаго языка. Насколько мы можемъ судить слово «балабан» заимствовано русскими значительно позже «блѣвана». Въ то время какъ «блѣванъ» чуть-ли не общеславянское заимствованіе (судя по его распространенности въ живыхъ діалектахъ и древнихъ письменныхъ памятникахъ), слово «балабанъ» известно только въ русскомъ, польскомъ, болгарскомъ и сербскомъ, т. е. какъ разъ у тѣхъ народовъ, которые непосредственно въ сравнительно новое время (съ XIV в. по Р. X.) соприкасались съ турками османскими и крымскими, у которыхъ слово «балабан» и до сихъ поръ въ ходу въ значеніяхъ: 1) огромный 2) родъ сокола. Этого слова между прочимъ *нѣтъ* въ Матер. для слов. древнерусского языка И. И. Срезневскаго, за то въ трудѣ Н. М. Тупикова «Словарь древне-русскихъ личныхъ собств. именъ» встрѣчаемъ имена Балабанъ и Болобанъ, но только съ XV вѣка (Зап. Отд. Русск. и Слав. Археолог. Имп. Русск. Арх. Общ. томъ VI, 1903, стр. 93).

Въ виду того, что искаженіе персидскаго *pâhlâvân'* въ «балабан'а» въ древнетурецкомъ представляется въ высшей степени невѣроятнымъ, а также въ виду того, что въ киргизскомъ

языкѣ еще и теперь преобладающею формою слова nählävän является «палван (палўан)», а не «балўан», совершенно невѣроятною является и теорія г. Корша о двукратномъ заимствованіи турками этого слова сначала въ формѣ «балабан» или «балўан», а по-томъ въ неискаженномъ видѣ nählävän, хотя возможность такихъ двукратныхъ заимствованій вообще намъ конечно хорошо извѣстна (ср. К. 23—24).

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту предложенной акад. В. В. Радловымъ этимологіи слова «болванъ» изъ орхонскаго «балбал». Балбалами назывались у орхонскихъ турокъ статуи, ставившіяся вереницею при могилѣ знатнаго лица въ память и по числу убитыхъ покойнымъ при жизни враговъ. Когда такихъ убитыхъ было очень много, то работа этихъ статуй, считавшихся иногда сотнями, бывала весьма грубая, такъ что убитые враги изображались иногда просто столбиками съ кругловатымъ утолщеніемъ наверху, изображавшимъ голову. Что такія статуи или столбы съ утолщеніями очень близко под-ходятъ къ тому, что славяне и древніе, и современные обозначали и обозначаютъ словомъ «болванъ», въ прямомъ его значеніи — съ этимъ, мнѣ кажется, трудно спорить. Надписи, дѣлавшіяся иногда на такихъ статуяхъ, указывали не на то, что эти статуи изображали *человѣческія фигуры* вообще, а прямо на извѣстныхъ личностей. Узнать въ балбалѣ *человѣческую фигуру* можно было и безъ надписи, надпись требовалась для точнаго обозначенія лица и только. Говоря далѣе о диссимиляціи, вслѣдствіе которой конечный «л» этого слова могъ перейти въ «н» и о послѣдовавшемъ затѣмъ переходѣ срединнаго «б» (б des Inlautes) въ «в», я разумѣль конечно, что все это могло совершиться не на славянской, а на турецкой почвѣ, такъ что славяне получили уже это слово въ формѣ *балван. Вѣроятность для древнетурецкаго языка перехода «б» въ корпусѣ слова въ «в», была мною установлена выше (стр. 75). Могъ ли *балбан перейти въ *балван на славянской почвѣ, судить не рѣшаюсь, но укажу, что въ «Печорскихъ былинахъ» у г. Ончукова встрѣчается слово «балбанъ»

въ значеніи «болванъ» (Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. 1902, т. VII, кн. 3, стр. 320).

Не лишено интереса персидское слово پُلواں *пульвān*, *валики изъ земли по краямъ поля, по которымъ ходятъ, чтобы не топтать посѣва* (Vullers). Этимологія этого слова отъ پُل, *мостъ* и وان-, *подобный*, восходящая, какъ намъ удалось выяснить съ помощью К. Г. Залемана, къ автору словаря فرهنك جهانگیری (1017 г. Гиджры), не выдерживаетъ критики, такъ какъ не значить «подобный», а валики по краямъ поля вовсе не похожи на мостъ. Не есть-ли персидское پُلواں *нѣсколько искаженное народной этимологіей предполагаемое мною древне-турецкое *балван (изъ «балбал»)?* Болваны служили иногда пограничными знаками, см. Археологич. известія и замѣтки, т. VI, 1898, стр. 240 цитату изъ грамоты 1108-го года венгерского Коломана. Отсюда могло развиться для «болвана» вообще значение пограничного знака, напр. валика, замѣняющаго у персовъ нашу русскую «межу». Напомнимъ, что въ каракиргизскомъ нарѣчіи слово «балбалъ» сохранилось до сего дня со значеніемъ «небольшой участокъ земли съ валиками» (Записки Вост. Отдѣл. Археологич. Общ., т. XII, стр. 4). Повидимому есть какая-то связь между всѣми этими словами, хотя исторія ихъ для насъ не вполнѣ ясна.

Все, что сказано было мною далѣе о происхожденіи турецкаго балбал'а изъ китайской комбинаціи бей менъ¹⁾, имѣеть конечно лишь второстепенное значеніе для выясненія турко-славянскихъ судебъ его, но и относительно этого пункта мнѣ придется разойтись во многомъ съ г. Коршемъ. Что «бѣi wѣn» въ обыкновенномъ разговорѣ значить по китайски «столбъ съ надписью», остается конечно на отвѣтственности синолога Arendt'a, на котораго я ссыпался (стр. 9). Но если это такъ, то китайцы могли называть такъ тѣ примогильные статуи у орхонскихъ ту-

1) Кстати: точная транскрипція приведенныхъ мною на стр. 9 єероглифовъ «бѣi-wѣn».

рокъ, о которыхъ шла рѣчь выше, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ были снабжены надписями. Турки-же, перенявъ это словосочетаніе, точный смыслъ элементовъ котораго могъ оставаться для нихъ темнымъ, могли впослѣдствіи примѣнить его и къ обозначенію примогильныхъ статуй или вообще статуй хотя бы и безъ всякихъ надписей. Такія недоразумѣнія и распространенія значеній при заимствованіи иностранныхъ словъ по нашему мнѣнію легко допустимы; варианты значенія, получающіеся вслѣдствіе неточностей довольно обычныхъ въ разговорной рѣчи, по моему мнѣнію, въ подобныхъ случаяхъ весьма важны (противъ К. стр. 28).

Далѣе несомнѣнно, что словосочетаніе, произносящееся *теперь* «баі wän», въ VIII вѣкѣ должно было произноситься китайцами иначе, и конечно не бѣі-wän было «исказано» орхонскими турками въ «балбал», а болѣе древняя форма этого словосочетанія. Какова была эта форма, при современномъ состояніи синологіи решить нельзя, а потому я и привелъ нѣсколько гипотетическихъ, изъ коихъ нѣкоторые близко подходятъ къ балбалу, а одна даже совсѣмъ совпадаетъ. Г. Корша особенно смущила эта послѣдняя реконструкція—«бал-бал»; онъ находитъ, что, если два іероглифа стали произноситься одинаково, то съ теченіемъ времени они должны были начать смѣшиваться и т. д. Но дѣло въ томъ, что наша европейская транскрипція китайскихъ словъ безъ указанія ударенія и интонаціи, вообще говоря, неудовлетворительна: одно «бал» поэтому съ китайской точки зренія могло быть вовсе не тождественно съ другимъ «бал». Кроме того a priori можно думать, что въ китайскомъ языкѣ, какъ и во всякомъ другомъ, всегда былъ извѣстный процентъ словъ различныхъ по происхожденію и по значенію, но даже совершенно одинаковыхъ по произношенію, причемъ разница въ іероглифическомъ начертаніи могла, по крайней мѣрѣ для мало-мальски образованного класса, поддерживать сознаніе разницы ихъ происхожденія и значенія, подобно тому какъ для грамотнаго англичанина knight и night не одно и то-же, а такая несомнѣнная

польза ореографіи для пониманія поддерживаетъ и самую ореографію. Со всѣмъ тѣмъ мы и теперь не считаемъ возможнымъ особенно настаивать на происхожденії турецкаго балбал'а изъ китайскаго бай wān'a, но считаемъ весьма вѣроятнымъ происхожденіе «болвана» изъ «балбала» черезъ *балбан и *балван.

Резюмируя все вышесказанное, мы приDEMЪ къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ.

1) Блъванъ, болванъ — заимствованіе древннее, вѣроятно общеславянское, съ первоначальнымъ значеніемъ «статуя, идолъ, обрубокъ» и переноснымъ позднѣйшимъ «бездушный, безтолковый, безчувственный человѣкъ» восходитъ вѣроятно къ турецкому *балван, *приморская статуя въ память убитаго покойнымъ врага*, а послѣднее черезъ *балбан къ орхонско-турецкому «балбал».

2) балабанъ съ болваномъ ничего общаго не имѣеть, проходя бытъ можетъ отъ турецкаго بالبانъ балабан, большеголовый, огромный; родъ сокола. Больѣ древняя форма этого слова была вѣроятно «балапан»; она сохранилась у киргизовъ въ значеніи «птенецъ». Это слово заимствовано лишь частью славянъ гораздо позднѣе блъван'a (въ XIV, XV вв.). Значеніе его измѣнилось вѣроятно подъ вліяніемъ подобозвучныхъ словъ, имѣющихъ значеніе «болтать, говорить глупости» и т. п. Несомнѣннымъ мы считаемъ, что «балабан, родъ сокола» заимствовано славянами у турокъ, причемъ можетъ быть по турецки «балабан, огромный» и «балабан, соколъ» одно и то же слово.

3) بولوانъ pâhlâvân, герой, борецъ, богатырь заимствовано турками у персовъ, и форма этого слова осталась неизмѣнною какъ въ литературныхъ турецкихъ языкахъ, такъ и въ устахъ большинства современныхъ намъ турокъ. Лишь въ казакъ-киргизскомъ и сартскомъ языкахъ оно измѣнилось вѣроятно недавно въ «палван», «палўан» и даже можетъ быть «балўан», но по значенію остается далекимъ какъ отъ русскаго «болвана», такъ и отъ «балабана».

II.

Бояринъ. Въ виду того, что слово «бајар» въ значеніи «господинъ, вельможа» встрѣчается лишь въ очень немногихъ современныхъ турецкихъ нарѣчіяхъ и неизвѣстно въ литературныхъ турецкихъ языкахъ и древнихъ надписяхъ, я продолжаю думать, что скорѣе нѣкоторыя турецкія племена заимствовали это слово у русскихъ, чѣмъ древніе русы у турокъ. Какъ видно изъ словаря Даля, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи до сихъ поръ живо это слово и его производныя въ значеніи «баринъ, помѣщикъ, вельможа», а также какъ титулъ шаферовъ, дружекъ и т. п. на свадьбахъ¹⁾). Значитъ и отъ денѣщиковъ туркмены могли слышать при случаѣ не только «баринъ», но и «бояринъ». Туркмены преимущественно называютъ бајар'ами русскихъ офицеровъ и «господъ» и вообще употребляютъ это слово въ разговорѣ съ русскими, приспособляясь, какъ это дѣлаютъ часто инородцы, къ ихъ недостаточному знанію мѣстнаго языка. Мой ученикъ А. Н. Самойловичъ, специально занимающійся туркменскимъ языкомъ, ни разу не встрѣтилъ этого слова въ чисто-туркменскихъ текстахъ (народныхъ или литературныхъ). Слово «бајар» извѣстно и башкирамъ, но прилагается оно ими исключительно къ русскимъ помѣщикамъ. Весьма возможно, что въ нѣкоторыя турецкія нарѣчія это слово попало сравнительно давно, т. е. напримѣръ въ XVII или даже въ XVI вѣкѣ. Да-же замѣчу, что фактъ нахожденія формы «боляринъ» въ церковно-славянскихъ памятникахъ не колеблетъ важной для меня первичности формы «бояринъ», которая потомъ на русской почвѣ была исказена какимъ-нибудь грамотеемъ въ «боляринъ» (быть

1) Лично я слышалъ однажды въ вагонѣ подъ Москвою, какъ одинъ мастеровой, величаясь передъ другимъ въ пьяной перебранкѣ, называлъ себя именно «бояриномъ».

можетъ подъ вліяніемъ словъ болии, больма, больши и т. д.) и въ такомъ видѣ попала и въ церковнославянскіе памятники, оставшись въ народномъ языкѣ въ прежнемъ неискаженномъ видѣ «бояринъ». Съ большими колебаніями я рѣшаюсь упомянуть здѣсь о словѣ **بَأْيَرِى** баіры, старый, старый слуга, которое несомнѣнно встрѣчается съ этимъ значеніемъ въ «джагатайскомъ» языкѣ. Въ мало доступномъ джагатайско-османскомъ словарѣ Шейха Сулеймана Бухарскаго это слово переведено **امکدار** امکدار (т. е. трудящійся) по словарю Redhouse'a «старый, вѣрный слуга»), старый, старый слуга, древній (= почтенный). Такимъ образомъ по значенію это слово могло бы быть прототипомъ нашего «боярина», но формальныя трудности значительны. Двусложное произношеніе **بَأْيَرِى** какъ «баіры» удостовѣreno для джагатайскаго языка приведено у Шейха Сулеймана стихотворною цитатою¹⁾.

بو ايشيكا هر لوندى توتمه
بو بيرى (sic!) قولينك بيليب اونوتمه

«Для этого его дѣла не употребляй всякаго бродягу; (разъ) узнавъ этого старого слугу-раба твоего, не забывай». Въ Шейбани намѣ, джагатайскомъ стихотворномъ памятникѣ начала XVI вѣка, встрѣчается нерѣдко и по размѣру его слѣдуетъ читать «баіры» (двусложно). Если бы оказалось, что въ древности это слово произносилось иначе, напримѣръ «бајары», то можетъ быть вопросъ о «бояринѣ» рѣшился бы, но пока исторія этого слова темна, этимологія и въ турецкомъ языкѣ неизвѣстна, а въ живыхъ діалектахъ оно повидимому неупотребительно.

1) Откуда идетъ это двустишіе, къ сожалѣнію не знаю. Другая стихотворная цитата есть подъ словомъ **بَأْيَرِى** въ Абушкѣ, см. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Словарь джагатайско-турецкій 1868 стр. 117*.

III.

Быля. Рядомъ примѣровъ г. Коршъ пытается доказать, что слово «бојла», которое я выставилъ прототипомъ «быля», могло уже на турецкой почвѣ превратиться въ «болja» или «бојla». Дѣло здѣсь идетъ о фонетическомъ переходѣ, нерѣдко наблюдаемомъ въ самыхъ различныхъ языкахъ. Схематически этотъ переходъ можно изобразить такъ: «ajra, aipa, ajla, aila» даютъ нерѣдко «arpja, alja, ala» и наоборотъ, причемъ подъ «а» мы разумѣемъ здѣсь вообще гласный звукъ. Въ виду распространности подобныхъ явлений вообще конечно нельзя оспаривать *возможность* его на турецкой почвѣ для слова «бојла», однако документально переходъ «бојла» въ «болja» для турецкаго языка неудостовѣренъ. Между тѣмъ приведенные мною въ первой моей статьѣ примѣры (арыянъ и др.) даютъ пѣкоторую вѣроятность для перехода «бојла» въ «болja» на русской почвѣ, а приведенные г. К. на стр. 36 варіанты слова «байрак» свидѣтельствуютъ, по нашему мнѣнію, только о томъ, что фонетическое явленіе, о которомъ только что шла рѣчь, наблюдалось (быть можетъ совершенно самостоятельно) еще въ нѣсколькихъ языкахъ, чѣмъ подтверждается его обычность въ человѣческой рѣчи вообще. Далѣе даже «твердость» «л» въ этомъ словѣ для орхонского діалекта несомнѣнна въ виду начертанія **Л**, а не **Y**. Что «л» въ нѣкоторыхъ турецкихъ діалектахъ переходитъ въ «ф», совершенно вѣрно; есть даже діалекты, совершенно не знающіе звука «л», а только «l». Поэтому допустить произношеніе «боїла» пожалуй возможно, а такое произношеніе по-русски ближе всего передастся черезъ «бойля». Могло-ли затѣмъ изъ «ой» на славянской почвѣ получиться «ы» (К. 38), мы судить не беремся, но позволимъ себѣ указать на нѣкоторое противорѣчіе, въ кото-
рое впала г. Коршъ: на стр. 38 онъ дѣлаетъ предположеніе,

что «бойла» зашло къ грекамъ не прямо отъ турокъ, а черезъ южныхъ славянъ; при такомъ положеніи дѣла греческія начертанія *βοιλᾶς*, *βοηλᾶς*, *βολαδῆς* оказались бы приблизительной передачей славянскаго «быля», причемъ славянское «ы» оказалось бы=греческимъ о-и; между тѣмъ на стр. 35 г. К. говорить, что греческія начертанія *βοιλᾶς* и т. д. рѣшаютъ недоумѣніе насчетъ того, какъ надо произносить орхонское **БУДЬ**—«бујла» или «бојла»—въ пользу «бојла». Такое значеніе греческая транскрипція можетъ имѣть только въ томъ случаѣ, если греки получили разбираемое слово непосредственно отъ самихъ турокъ. Если-же греческія *βοιλᾶς* и т. д. только передаютъ славянскую форму этого слова «быля», то является вопросъ, не произносились-ли орхонское **БУДЬ**, какъ «бујла». Мы возвращаемся къ этому потому, что, если переходъ «бојла» въ «болја» или въ «бојла» на турецкой почвѣ не удастся установить, или будетъ отвергнута возможность перехода турецкаго «ој» въ «ы» на славянской почвѣ, то связь между всѣми этими словами, исторически столь вѣроятную, невозможно будетъ оправдать передъ судомъ фонетики. Быть можетъ болѣе вѣроятнымъ будетъ признанъ перебой «у» въ «ы» т. е. бујла *булја *булѧ ~ былѧ, или передача уj (уй?) черезъ «ы»?¹⁾.

Что касается этимологизаціи племенныхъ ковуйскихъ названий, то сопоставленіе «ревуговъ» съ ѳр бүгә (К. 39) мы считаемъ нѣсколько смѣльмъ. Не настаивая особенно, какъ и въ первой статьѣ, на сближеніи «шельбиръ» съ *υελθη*, *весло*, мы тѣмъ не менѣе замѣтимъ, что слово ескакъ, *весло*, есть у современныхъ киргизовъ, народа также вполнѣ сухопутнаго, и мы не видимъ, почему бы и ковуямъ не знать весла. Съ другой сто-

1) Позволю себѣ по этому поводу указать, что западнымъ europейцамъ (французамъ, нѣмцамъ) наше «ы» нерѣдко представляется похожимъ на у-и (не уй!). Французские учителя русскаго языка средней руки учатъ произносить «быль» какъ «буйль», известный I. Hammer Purgstall въ *Geschichte der Goldenen Horde* 1840 S. 241 Anm. 12 транскрибируетъ русское слово «послы» черезъ «Poslui». Несомнѣнно вѣдь, что «ы» есть «и» съ оттенкомъ «у» или «у» съ оттенкомъ «и».

роны и предложенное г. Коршемъ слово чылбыр, *чумбурд* можно принять къ свѣдѣнію между прочимъ и потому, что послѣ «ч» (какъ и другихъ язычно-небныхъ) «ы» во многихъ турецкихъ діалектахъ звучитъ (а потому вѣроятно и звучало) вродѣ «ф». Переходъ ч || ш не былъ свойствененъ, какъ мы упомянули выше, половецкому діалекту, но какому то древнему турецкому діалекту, знакомому древнимъ русскимъ, онъ не былъ чуждъ, какъ показываетъ слово «шатерь» изъ персидского *چتر* чатр, о чёмъ больше въ другой разъ. Считать народецъ «Татарь» искони турецкимъ (К. 40 — 41) нѣть пока никакихъ оснований; наоборотъ можно думать, что это и было искони *монгольское племя*.

IV.

Ногата. Передъ возраженіями г. К. относительно трудности получения на *русской почвѣ* форма «ногата» изъ турецкаго ногт (нафт), въ свою очередь искаженного изъ арабскаго *ڦ* наکд (стр. 45 — 47), мнѣ, какъ нѣ-слависту по специальности, слѣдуетъ конечно преклониться. Тѣмъ не менѣе созвучіе всѣхъ этихъ словъ остается весьма соблазнительнымъ. Можно поэтому попытаться подойти къ исторіи этого слова иначе. Дѣло въ томъ, что двойные согласные звуки въ концѣ словъ всегда были не- свойственны или мало свойственны турецкому языку, а потому гласный между «г» и «т» могъ легко развиться уже на турецкой почвѣ, причемъ на него могло перетянуться и динамическое удареніе. Г. Коршъ думаетъ, что такимъ гласнымъ долженъ быть быть «ы», но не исключена возможность и иѣкоторыхъ другихъ гласныхъ. Такъ напримѣръ изъ *چتر* чатр, *zontrik*, *палатка*, киргизы сдѣлали, правда, шатѣр, но изъ *شھر* шаhr, шѣhr, *городъ* — шаhr или шѣhr; сибирские и крымскіе татары также произносятъ «шѣhr»; сибирские произносятъ «зѣhr» (= ар. *ڙ*, лѣ); арабское слово *قبر* кабр, могила, казацкие та-

тары произносятъ «кабар», *لَخَد*, *ниша въ могилѣ*, — лакат, а арабское *نَهْد* цѣнд, *усердіе, быстрота* превращается въ ихъ устахъ въ «пѣхѣтъ». Казакъ-киргизы произносятъ иногда арабское *لَفَظ* какъ «лепѣсъ», см. III томъ «Образцовъ» акад. В. В. Радлова, стр. 43, 19. Если-же возможна форма *наѣтъ въ древнетурецкомъ, то возможно и *ногатъ въ древнерусскомъ. Слѣдуетъ имѣть еще въ виду, что кромѣ слова *نَقْد* накд (нагд? нагт?) русскіе могли еще слышать выраженіе *نَقْدَة*nakda (нагда), *чистоганомъ*. Быть можетъ эта форма поможетъ объяснить происхожденіе русской «ногаты» отъ арабскаго *لَجَّ*, хотя конечно мы не думаемъ, что побѣдили всѣ представляющіяся фонетическія трудности. Очень сожалѣемъ, что ни бар. В. Тиценгаузенъ, ни О. Е. Коршъ не указали въ своихъ статьяхъ на остававшуюся и для нась долго неизвѣстной теорію С. А. Усова, по которой «ногата» есть чисто-русское слово отъ «нога» и обозначало первоначально цѣлый соболій мѣхъ съ четырьмя ногами, см. Древности, Труды Имп. Моск. Археолог. Общ., т. IX, вып. II и III 1883, стр. 98, «Замѣтка о древнихъ русскихъ деньгахъ по Русской Правдѣ». С. А. Усовъ въ этой интересной «замѣткѣ» сдѣлалъ попытку объяснить и другія древнерусскія слова, означавшія разныя деньги и монеты (куна, рѣзана и пр.), именно какъ названія различныхъ мѣховъ и ихъ частей. Въ результатахъ дѣло быть можетъ обстояло такъ: русскіе, располагая уже чисто-русскимъ словомъ «ногата» для обозначенія нѣкоторой (первоначально мѣховой) цѣнности, слышали отъ мусульманскихъ купцовъ слова «нагт, наѣтъ, пакда, нагда» въ значеніи серебряной монеты или выраженія «чистоганомъ» и восприняли эти слова, какъ свою родную «ногату», почему и стали называть «ногатами» серебряные деньги, шедшія на Русь съ мусульманскаго Востока. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь можетъ быть дѣло съ однимъ изъ видовъ народной этимологіи.

V.

*Харалугъ. На стр. 302 своей первой статьи я указалъ самъ, что окончаніе -лугъ (= ئۇ-) носить характеръ древнеюжно-турецкій (или среднеазіатской?). Такъ какъ туркменскіе діалекты представляютъ собою повидимому переходъ отъ среднеазіатскихъ къ южнымъ, то въ общемъ я ничего не имѣю противъ разсужденій г. Корша на стр. 47 — 49, 50 и 53. Однако мнѣ неизвѣстно, почему г. Коршъ думаетъ, что аффиксъ для образования прілагательныхъ первоначально звучалъ -луф, -lûg. Въ орхонскихъ надписяхъ онъ изображается ئىل- ئىي-, что по общимъ правиламъ орхонской письменности надо читать -лыф, -lîf, такъ какъ буквы ئ (у) и ئ (ү) не опускаются; судя по этой-же письменности гласный этого аффикса уже въ тѣ древнія времена подвергался иногда лабіализації, какъ видно изъ начертанія ئەلەئىf на одной енисейской надписи (V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon 1896, p. 13). Вѣрно то, что въ нѣкоторыхъ новыхъ діалектахъ отпаденіе конечнаго ئ (г) повлекло за собою лабіализацію гласнаго въ этомъ аффиксѣ, который напримѣръ въ старо-османскомъ звучалъ -лу, -lû, но не -лы, -li. Затѣмъ вѣрно и то, что аффиксы -лыf, ліf и -лыf, -lîf и по функции, и по формѣ въ нѣкоторыхъ даже древнихъ діалектахъ (уйгурскомъ?) начали смѣшиваться, между тѣмъ какъ въ другихъ (напр. османскомъ, казакъ-киргизскомъ, казанскомъ) различались и различаются весьма ясно. Какъ объяснить безразличное чередованіе въ «джагатайскихъ» рукописяхъ ئ и ئ на концѣ какъ въ этихъ аффиксахъ, такъ и въ другихъ словахъ, сказать теперь не легко, но вѣроятно ئ (т. е. ئ) отпалъ въ произношеніи во многихъ случаяхъ уже раньше XV вѣка, но сохранился писцами по традиції, а, такъ какъ приходилось изображать уже несуществовавшій звукъ, то начались ошибки и произ-

воль въ ореографії, пока наконецъ не стали писать безразлично ё или є. Весьма возможно, что є сталъ появляться въ концѣ именительного падежа также въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ онъ при склоненіи или при присоединеніи другихъ аффиксовъ возникъ изъ первоначального ё, но вообще объ этихъ вопросахъ говорить нѣсколько преждевременно до изданія и изученія древнѣйшихъ датированныхъ джагатайскихъ рукописей.

VI.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о двухъ вопросахъ по туркологіи, хотя они собственно, какъ и многіе другіе, возбужденные г. Коршемъ, прямого отношенія къ нашей темѣ не имѣютъ. Если г. Коршъ желалъ вдаваться въ классификацію турецкихъ нарѣчій, то надо было, какъ намъ кажется, сдѣлать это подробнѣе и яснѣе, чѣмъ это было возможно въ небольшомъ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 48 (прим. 37). Непонятно даже изъ какой классификаціи г. Коршъ исходитъ: «чагатайцы» у него восточные, а узбеки—сѣверные, тогда какъ между тѣми и другими, какъ вообще думаютъ, больше сходства, чѣмъ различія, почему ихъ и относятъ къ одной «среднеазіатской» группѣ. Затѣмъ едва-ли достаточнымъ признакомъ для дѣленія діалектовъ на группы можетъ служить какая-нибудь одна глагольная форма, напримѣръ хотя бы выбранное г. Коршемъ настоящее время отъ дѣепричастія на -а, -ѣ; если-же придерживаться этого пріема, то едва-ли не все турецкіе новые языки окажутся «сѣверными», ибо трудно сомнѣваться въ томъ, что и османскій Optativ (سوهيم, سوهينز, سوهون, سوهونگن) есть эта-же самая форма по образованію, только измѣнившая свое значеніе, причемъ переходомъ было вѣроятно футуральное значеніе «настоящаго», образованного отъ дѣепричастія на -а, -ѣ. Вообще эта форма на-

стоящаго времени скорѣе годится для различенія древнѣйшихъ литературныхъ діалектовъ, въ которыхъ ея, какъ кажется, нѣтъ, отъ болѣе новыхъ, а не для классификаціи живыхъ современныхъ діалектовъ. Далѣе намъ кажется, что и звуковой, и отчасти морфологический строй языковъ чувашскаго и якутскаго заставляютъ совершенно отдѣлить ихъ и отъ общей массы турецкихъ языковъ какъ живыхъ, такъ и литературныхъ, и другъ отъ друга.

По вопросу о формахъ глагола «быть», «бол» и «ол», я думаю, что въ виду чувашскаго «пол», якутскаго «буол», орхонскаго **ょ** бол, а также «бол» громаднаго большинства турецкихъ нарѣчій вообще, трудно сомнѣваться въ томъ, что прѣтурецкая форма этого глагола была «бол» или можетъ быть «бл». Поэтому мы продолжаемъ думать, что южнотурецкая форма этого глагола «ол» образовалась изъ «бол» послѣ того, какъ предки современныхъ намъ южныхъ турокъ отдѣлились отъ общей массы турецкаго народа, и что слѣдовательно процессъ исчезновенія въ этомъ глаголѣ начального «б» у южныхъ турокъ нужно разсматривать какъ явленіе, развившееся уже въ историческія времена именно въ этомъ южнотурецкомъ языкѣ. Намъ думается, что предки современныхъ намъ южныхъ турокъ отдѣлились отъ главной массы турокъ вообще позже предковъ чувашей и якутовъ, но, если кому нибудь кажется, что они могли отдѣлиться раньше этихъ двухъ народовъ или по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, то думаю, что никто не усомнится въ еще болѣе раннемъ отдѣленіи монголовъ отъ того народа, изъ котораго вышли и турки, и монголы, т. е. отъ такъ называемыхъ «урало-алтайцевъ». Между тѣмъ монгольское **ын** болху, быти, свидѣтельствуетъ о томъ, что и «урало-алтайцы» еще въ моментъ отдѣленія монголовъ говорили «бол» или «бл»; тѣмъ болѣе становится вѣроятнымъ, что южные турки выработали уже свое «ол» изъ общаго «бол» впослѣдствіи. Здѣсь мы предпочитаемъ остановиться, не пытаясь даже решать вопросъ о времени отдѣленія отъ «урало-алтайцевъ» финновъ и мадьяръ, такъ какъ лингви-

стическое и этническое родство этихъ народовъ съ турками и монголами научно не доказано и даже неизвѣстно еще, можетъ-ли быть доказано, см. обѣ этомъ вопросѣ V. Grønbech, Forstudier til tyrkisk Lydhistorie 4—9. Теорія г. Корша, видящаго въ османскомъ «ол» корень орхонскаго олур, *сидѣть* (джагат. олтур, алт. оттур, южно-тур. отур и т. п.), какъ намъ кажется, становится сомнительной и съ другой точки зренія, а именно если мы будемъ разматривать параллельно судьбу этого корня съ другимъ обще-турецкимъ корнемъ öl, *умирать*. Прежде всего замѣтимъ, что производить олтур отъ двухъ глаголовъ *ол, *сидѣть*, и тур, *стоять*, совершенно невозможно, въ «олтур» гораздо вѣроятнѣе видѣть принудительный залогъ отъ *ол съ тѣмъ возвратно - принудительнымъ значеніемъ, которое получаютъ иногда подобные глаголы въ турецкомъ языке и которое сводится почти что къ значенію коренного глагола, т. е. положимъ *ол, *сидѣть*, отсюда: олтур—первоначально «заставить сѣсть или посадить себя», а отсюда опять-таки «садиться, сидѣть»¹⁾. Въ орхонскомъ глаголу «олур, спастъ, сидѣть» отъ *ол соответствуетъ ölür, *убиватъ* отъ öl, *умирать*; въ якутскомъ этимъ глаголамъ соответствуютъ «олор» и «öлör». Если-бы османское ол въ олмак, бытъ, было то-же что въ отурмак (діалектически: олтурмак), *сидѣть*, то отъ öl, *умирать*, принудительный залогъ бытъ бы öтүрмак или öлтүрмак, между тѣмъ встрѣчается только öлдүрмак, которое находить себѣ «пару» въ османскомъ олдурмак, *призвать къ бытію, привести въ состояніе готовности*, а этотъ послѣдній глаголъ несомнѣнно образованъ отъ османскаго олмак, бытъ. Чтобы примирить всѣ эти формы, придется сдѣлать рядъ болѣе или менѣе натянутыхъ и произвольныхъ предположеній; оспаривать начисто ихъ *возможность* конечно трудно, но называть ихъ и всю теорію, которую можно было бы при помощи

1) Повидимому такъ же произошло позднѣйшее ait, говорить (первоначально *аяйт?) отъ древнѣйшаго ai (آيدى) и т. п. еще у Рабгузи въ началѣ XIV в.).

ихъ построить, крайне искусственными, намъ кажется, позволительно. Не лучше-ли пока думать, что корень орхонского олур,
сидѣть, не имѣть ничего общаго съ османскимъ ол, *быть*,
стать?

Платонъ Меліоранскій.

12 Декабря 1904 г.